

22.06.01

ОПРОС

Век. клуб. - доф. - 22 июля - с.б
1. Как вы прокомментируете ситуацию в Большом театре? 2. Что же нам делать с музыкальной прессой?

Ирина АРХИПОВА,
президент
Международного союза
музыкальных деятелей

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ НЕ СООБРАЖАЕТ, ЧТО ДЕЛАЕТ

1. Я предполагала, что так будет. Я не случайно записала Светланова. Нет Светланова — и нет его оркестра. А в Большом они его сделали почетным дирижером, но перестали приглашать. Министерство культуры все-таки не соображает что делает, ей-богу. Я же неслучайно провожу свои собственные фестивали — потому что знаю, где что лежит, и поняла, что надо делать свое дело. Министерство как-то прислало мне письмо, что оно наблюдает за моими действиями, помогает в контактах с Юрием Уралом. Периферия еще сохраняет вкус и желание слышать и видеть что-то хорошее, чем страдаю. Мы же допрыгали с этой эстрадой. Ми воспитаем поколение, которому не нужен будет оперный театр. И в результате оперные театры загниют.

А то, что в Большом — печально. Если обратиться к нам за советом — надо делать это раньше, а не когда уже катастрофа случилась. Рождественский — очень хороший дирижер. Но он не компетентный человек. Он всегда тактичен и был. Я до сих пор не могу ему простить один случай. Он спрашивал меня, не хочу ли я спеть «Орлеанскую деву». Мне очень хотелось, Христов приехал петь — и вдруг Рождественский отказался дирижировать! Я потом уехала в Париж и спела там Жанну д'Арк на радио.

Рождественский видит себя обязательно в современной музыке. Это его юность, и это у него получается. А там, где надо работать, вспомнить традиции — это он не любит.

Зачем надо было делать «Игроков»? Странно. Да, музыкально это интересно. Но Геннадий Николаевич — сын певицы и, казалось бы, должен понимать в пении. «Игрою» Прокофьев — это не для певцов. Это можно поставить, когда идут классические произведения, как массаж, выравнивающие звук. А «Игрою» в таких обстоятельствах — это очень сложно. Это только петь, разучиться.

Хотя вот моему внуку, певцу, «Игрою» нравится.
2. Пресса очень часто реагирует неграмотно. И слишком уж эта неграмотность видна — потому такое возмущение. Нужно же разбираться в вокальной, музыкальной технике, знать традиции, литературу, в конце концов. Так что пресса, честно говоря, беспеременная. Но вот Милашона никогда не обращала на нее внимания, даже газет не покупала. О себе я читала много, все это было интересно, так что лично мне ни стесняться, ни жаловаться нечего. Но в общем, конечно, критическая пресса для артиста — вещь очень болезненная. А по большому лучше не резать. Тем более, что критиковать и ругаться могут все.

Ирина МАСЛЕННИКОВА,
певица, профессор
консерватории

ХОТЬ БЫ УЛОВИТЬ, ОТКУДА НАЧАЛОСЬ РАЗРУШЕНИЕ

Ушел Геннадий Николаевич из Большого театра. Последний из могикан-дирижеров, с которым это произошло. Это его пребывание в Большом театре было очень кратковременным. Помните, у Прокофьева есть такие пьесы — «Мимолетность»? В общем, еще одна «Мимолетность» в Большом театре. Принципы не особенно ясны. Говорят, оби-

дели на прессу — но моему инстинкту это в прессе особенно не ругал. Что-то происходит, но что — понять трудно. Видимо, в данный момент Большой исчезает как великий театр. По моему, даже уже исчез, как исчезли целые цивилизации, и где они — неизвестно. Это не симфония Шнитке, и это даже не оркестр, ираковский Шнитке под управлением Рождественского. Это огромная музыкально-хозяйственная махина, которую нужно уважать и знать, как механизм часов. Нужно следить, чтобы эти часы шли в ногу со временем, чтобы они хорошо продавались.

Владислав ТЕТЕРИН,
генеральный директор
центра музыкального
искусства «Классика»,
организатор концертов
Дмитрия
Хворостовского,
Монсеррат Кабалье,
Чечилии Бартоли.

ПОДНЯТЬ БОЛЬШОЙ ТЕАТР НЕ ЛЕГЧЕ, ЧЕМ ПОДЛОДКУ

1. Вопрос Большого театра сложнее любого другого государственного вопроса. После революции культура всегда была под пятой у власти. Вспомните историю Прокофьева, Шостаковича, страхи Давида Ойстраха, непростые отношения с властью Рихтера, драматические — Ростроповича. Все это гении, которые принадлежат миру. Глубокое заблуждение власти заключалось в том, что они — наша собственность. Считалось, что они должны работать во благо России. Но ни Чайковский, ни Скрябин не работали во благо России. Они работали во благо музыки.

Геннадий Николаевича я знаю много лет. Он же не функционер, он до мозга костей музыкант. Как музы-

кант я его просто превозношу. Но на что надеялся министр культуры, назначая его в Большой театр? Что он повесит кому-то на великого человека? Большой театр — огромный организм. Это не симфония Шнитке, и это даже не оркестр, ираковский Шнитке под управлением Рождественского. Это огромная музыкально-хозяйственная махина, которую нужно уважать и знать, как механизм часов. Нужно следить, чтобы эти часы шли в ногу со временем, чтобы они хорошо продавались.

Геннадий Николаевич, придя в театр менее года назад, сразу сказал, что это корабль, на три четверти потопленный. Но он его чинит. Он что, ребенок, что ли? Он уже дважды здесь работал и знает, что такое первый театр страны. Театр, у которого должна быть прямая связь с Кремлем, с правительством, где должны решаться сложнейшие вопросы. Геннадий Николаевич никогда этих вопросов не решал и не будет решать.

Он — гениальный музыкант-дирижер. Своей волей заставляет того человека делать то, что он хочет, и получается фантастический образец. Но струнка борьбы за выживание в нем нету. Заполненный ирабелл надо было поднять — это же невозможно ремонтировать в воде. Но это оказалось так же сложно, как и в случае с подводной лодкой. При этом зрителю абсолютного надлежит, что у них там не срывается за кулисами.

Рождественский — музыкант мирового класса. Но Рихтер не мог бы стать министром культуры, хотя труднее себе представить музыканта умнее и круче Рихтера. Назначение Рождественского с самого начала было ошибкой. А с каждой такой ошибкой выбрасывается на ветер время и сотни тысяч долларов. Корабль дал еще больший хрен.

Можно, конечно, пригласить сейчас в Большой Светланова. Но зачем-таки ли вы, что этот великий дирижер всегда старался, чтобы рядом с ним не стояли другие великие музыканты — певцы, инструменталисты? Придет Светланов — мы получим тот же результат.

Трудно на что-либо рассчитывать, если для Большого театра не найдется такой идеальной для сегодняшнего дня фигуры, как Гергиев — гениальный дирижер и в то же время гениальный организатор. И если к нам не начнут приезжать многие великие дирижеры, певцы.

Не найдется — опит с кем-нибудь заключат контракт на 4-5 лет, а потом скажут: эликс-паллис, опыт ошибка! Вновь мы показываем миру, как не надо делать. Мир так хорошо учится на наших ошибках, что даже завидуешь.

2. Я очень уважаю мнение Юрия Любимова. Когда действительно травмили Толяну, он отлучился как «Артиста даджань дабо хвалити, дабо ругати». И это значит, что ты жив! Честно говоря, я больше получаю от критических заметок, а не от тех, где, что называется, медом помазано. Хотя есть и крайности. После концерта Чечилии Бартоли в Большом зале консерватории один критик написал, что я ввел в храм хамство и узаконил его там. Что же мне теперь, хлопнуть дверку и уехать? Действительно, дергуть, обидеть — это очень просто. Конечно, чрезвычайно жалко, что Ростропович из-за журналистской братии сплонул и больше не приезжает. То есть, чего мы добились? Так же остроотреагировал на критику и Рождественский. Но надо работать дальше и не относиться к критике как к травле. А то получается, что у нас самые главные — пишущие критики.

Светлана
Тетерина